

куда путь был „тяжек вельми, в горах каменных“, а главное — „страшен zelo“.

Узнав, что Балдуин идет на войну к Дамаску, мимо Тивериадского озера, Даниил обратился к нему с просьбой: „Княже-господине, поими мя с собою до Тивериадского моря, да бых видел тамо вся святая места“. „И тогда князь, — продолжает Даниил, — повеле ми ити с собою; и идох с ним, и приряди мя ко отроком своим. Тогда аз с радостию великою наях под ся, и тако пройдохом места та страшная с вои царьскими без страха и без пакости“.¹

В этом рассказе обращает внимание то, что король сам идет с Даниилом в поместье, где живут королевские воины, и, очевидно, поручает его их заботам, и Даниил нанимает коней для себя и своих спутников.

Другая, в повествовательной последовательности „Хождения“, встреча с королем была у Даниила по поводу желания последнего поставить свою лампаду или, как он называет, „кандило“ над „гробом господним“. Но невозможно сказать, была ли эта встреча последующей или предыдущей по отношению к встрече перед походом на Дамаск. Об этой встрече Даниил рассказывает: „Аз, худый, идох... к князю Балдуину и поклонихомся ему до земля; он же, видев мя поклонившася, и призва мя к себе с любовью и рече ми: «Что хощеши, игумене русский?» — познал бо мя добре и любляше мя вельми, якоже бяше мужь благ и смирен и не гордить ни мало. Аз же рекох ему: «Господине княже, молюся тебе бога ради и князей делма русских, хртел бых и аз поставити кандило свое над гробом господним за вся князя наша и за всю Рускую землю, за вся христиане Руския земля». И тогда же князь повеле ми поставити свое кандило, и с радостию посла с мною мужа своего лучьшаго к иконому Святаго Воскресения и к тому, иже держит гроб господень“.²

Из рассказа ясно, что король Балдуин уже знал Даниила, знал, что он русский игумен: как только увидел, подозвал к себе. Мало того, по словам Даниила, Балдуин его „познал добре и любляше вельми“.

Очевидно, встречи Даниила с королем иерусалимским не ограничивались двумя рассказанными им случаями, причем Даниилу король оказывал внимание, совсем не подобавшее рядовому паломнику. Направляясь к пасхальной заутрене, Балдуин приглашает его идти „близ себе“, а в храме предлагает стать на высоком месте, „яко зрети в гробныя двери“. Свою свечу Даниил зажигает от свечи Балдуина вместе с немногими представителями духовенства.

Нельзя также не указать на некоторые привилегии, которыми пользовался Даниил. Так, его впустили в иерусалимскую цитадель, „столп Давидов“, который „блюдут вельми, не дадут никому же влезти в онь“. Но Даниила и одного из его спутников впустили. Ключарь „гроба господня“ ввел Даниила туда одного, позволил измерить гроб и даже, как сообщает Даниил, „уломи ми тако камени того святаго нечто мало на благословение“.³ Правда, все эти вольности в значительной мере объясняются тем, что он „и тому ключареви подах нечто мало“,⁴ и вообще, как признается в начале своего повествования, „что у себя имея в руку худого моего добытка, и от того

¹ Путешествие игумена Даниила по святой земле в начале XII века (1113—1115). Под ред. А. С. Норова, СПб., 1864, стр. 104 (в дальнейшем: Норов).

² Там же, стр. 139.

³ Там же, стр. 146.

⁴ Там же.